
ФИЛОСОФИЯ

УДК 101

И.Н. Яблоков*Московский государственный университет**имени М.В. Ломоносова**Москва, Россия*

tezarelig@gmail.com

**ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ
КАК ОТРАСЛИ ЗНАНИЯ****[Igor N. Yablokov Problem of religion study conceptualization
as a branch of knowledge]**

Given the provisions of the philosophy and methodology of science developed in the domestic literature, methodological problems of the conceptualization of religious studies as fields of knowledge are revealed: the objectivity of the process of cognition of religion, the objectivity of the processes of differentiation and integration of knowledge in religious studies, and the foundations of the unity of knowledge in it. The author substantiates the structure of religious studies, including the conditions for the possibility of classifying religion as a religion. The grounds for the objectivity of cognition in religious studies are revealed.

Key words: conceptualization, religious studies, the structure of religious studies, the objectivity of the cognition process, the objectivity of the processes of differentiation and integration of knowledge in the history of science, corpus of knowledge in religious studies.

Концептуализация любой отрасли знания является одной из важнейших методологических проблем, от того или иного решения которой зависит в конечном счете признание или непризнание факта существования отрасли знания и даже ее «права на существование». Концептуализация осложняется недостигнутым консенсусом по вопросу о методологическом основании, релевантном процедуре концептуализации, адекватном задачам и содержанию этой процедуры: является ли адекватным и плодотворным решение проблемы в поле философии и методологии науки или это решение реализуется в каждой отрасли знания «изнутри ее». Концептуализация религиоведения осложняется еще и разными мировоззренческими позициями исследователей, позициями, которые служат основой решения проблемы.

На мой взгляд, концептуализацию религиоведения как отрасли знания правомерно вести на уровне философии и методологии науки, а это требует использования соответствующего понятийного аппарата.

В отечественной литературе активно обсуждают ряд относящихся к проблеме концептуализации религиоведения методологических вопросов: предмет и методы религиоведения, выделение в нем разделов, соотношение религиоведения и философии религии, об уровнях знания в религиоведении, о соотношении религиоведения и истории религиоведения, о периодизации истории развития зарубежного и отечественного религиоведения, о научно-познавательных возможностях конфессионального религиоведения.

В отечественном религиоведении представлены скептические оценки результатов разработки методологических проблем, в том числе – концептуализации религиоведения. Нередко утверждается, что в современном отечественном религиоведении отсутствует целостность и упорядоченность знания, а потому и не достигнуто самоопределение. О «предметной аморфности религиоведения (ср.: антропология, культуроведение и другие «дисциплины» знания, областью которых является «все»), при размытости границ «науки о религии» с другими областями знания («растворимость» социологии религии в социологии, психологии религии в психологии, культурологии религии в культурологии и т.д.)» пишет В.К. Шохин [38, с. 36]. А в «Примечаниях» разъясняет термины «аморфность», «растворимость» (используя текст из *The Encyclopedia of Religion*. / Ed. by M. Eliade. Vol 12, NY, 1995): «По замечанию одного из знатоков вопроса, изучающий религию в американских университетах должен заниматься всем, начиная с системы водоснабжения в Палестине времен Соломона и завершая влиянием решений II Ватиканского собора в понтификат Иоанна XXIII на современную экуменическую доктрину» [38, с. 42].

Подобной точки зрения придерживается М.Ю. Смирнов: «Религиоведение в современной России – явление трудно определяемое. Как будто бы оно существует вполне осязаемо: есть государственный стандарт высшего профессионального образования, соответственно которому во многих вузах обучают студентов по направлению (а где-то – и по специальности) "Религиоведение"... в интернет-ресурсах на слово "религиоведение" выкладывается неподъемное для серьезного ознакомления количество сайтов; регулярно про-

водятся конференции "Религиоведение как междисциплинарная наука" ..., издается уважаемый профессиональный журнал "Религиоведение".

В то же время, российское религиоведение оказывается подобно mirage, с приближением к которому обнаруживается, что образ чего-то целостного рассеивается и быстро исчезает... Понятие «религиоведение» давно уже выступает не более как *общее обозначение* совокупности конкретных направлений научного изучения религии, именуемых «история религии», «философия религии», «психология религии», «социология религии», «феноменология религии», «антропология религии» и т.д. Каждое из них имеет свою предметную область и собственные методики исследования... Саморазвитие религиоведческих дисциплин давно уже привело к тому, что как элементы единого целого, упорядоченные в некой схеме, они существуют скорее на страницах учебников (религиоведение "под редакцией" имярек), нежели в виде действующей системы знания» [31, с. 163-165].

Изложив столь скептическую оценку состояния современного российского религиоведения, автор неожиданно (как бы «забыв» эту свою оценку) констатирует: «Тем не менее нацеленность на *общий объект* (религию) и использование общенаучных методов исследования позволяют объединять отдельные усилия этих направлений и интегрировать знания, получаемые ими в своих предметных областях, создавать концептуально связанные модели, соответствующие реальному бытию религии. В этом смысле и оказывается применимо понятие религиоведения, за которым стоит *процесс постоянного наращивания и уточнения научных знаний о религии, с их фиксацией путем обобщений на каждом достигнутом этапе*» [31, с. 165]. Этим рассуждением автору пришлось вступить в противоречие с приведенными выше характеристиками, поскольку оказалось, что «понятие религиоведение» существует не только «на страницах учебников (религиоведение «под редакцией» имярек)», но и еще, как минимум, на страницах монографии М.Ю. Смирнова с названием «Религия и религиоведение в России».

В нигилистическом ключе рассуждает об отечественном религиоведении И.П. Давыдов. По его мнению:

- «Религиоведение обособляется не по предмету, а по объекту исследования, фокусируя свое внимание на всем, что так или иначе связано с религией как глобальным социокультурным феноменом» [8, с. 14-15];

- «У религиоведения нет своего уникального метода, играющего роль маркера («кто его применяет, тот религиовед»)» [8, с. 16];
- «у религиоведения нет своего уникального метода и зримо очерченного предмета (что недопустимо для науки)» [8, с. 20].

И после таких сильных ассерторических – недоказанных и недоказываемых – суждений формулируется условное утверждение: «Если нет своего предмета и метода, рушится все здание теоретизации (что будем фиксировать протокольными предложениями?). Такая наука, в нашем случае религиоведение, оказывается фикцией без опоры» [8, с. 21]. Автор утверждает «содержательную пустоту религиоведения» [8, с. 21].

Конечно, исследователь имеет свое мнение по тому или иному вопросу. В науке его мнение находится в связи с мнениями других исследователей и обоснования собственной точки зрения по необходимости предполагает соотнесение ее с мнениями других. В литературе представлены решения методологических проблем религиоведения, в том числе характеристики «зримо очерченного предмета», раскрыта совокупность методов исследования. Можно не согласиться с предложенными решениями, но делать вид, что такие решения отсутствуют, неправомерно.

Если философия и философия религии – не науки, как констатирует И.П. Давыдов, если религиоведение – рамочное понятие, если признать «содержательную пустоту религиоведения», «если у религиоведения нет своего уникального метода и зримо очерченного предмета (что недопустимо для науки)» [8, с. 20], то придется признать отсутствие основания «дальнейшего философско-религиоведческого дискурса» [8, с. 33], ввиду его «пустоты» он окажется «переливанием из пустого в порожнее». Если же, несмотря на это, автор уверенно продолжает в своей книге философско-религиоведческий дискурс, то, по-видимому, исходит из неявно признаваемого некоего непустого философско-религиоведческого дискурса. И находит основания для такого неявного признания.

Подобный фрагменту «сценария» в книге М.Ю. Смирнова можно найти фрагмент «сценария» и в книге И.П. Давыдова. После рассуждений о содержательной пустоте религиоведения И.П. Давыдов задается вопросом и предлагает «реабилитирующий» (а вернее – «квазиреабилитирующий») религиоведение ответ: «Но что тогда есть позитивного у религиоведения как

комплекса самостоятельных смежных дисциплин? Ответ прост – есть консолидирующий профессионалов общий объект (с его производными в духе «религия»/«религиозность»), иллюзия мультиплатформенности (универсальности ее адаптации и результативности применения в любой научной парадигме, в т.ч. постнеклассической) и реальный кросспредметный инструментарий (обширная и разнообразная методология, заимствованная из арсенала множества конкретных частнонаучных теорий)» [8, с. 22].

Профессор Русской христианской гуманитарной академии Санкт-Петербурга А.М. Прилуцкий присоединяется к «голосу о тупиках» современного российского религиоведения. В рецензии на книгу И.П. Давыдова «Эпистема мифоритуала» [24] он пишет: «...именно советский формат научного атеизма изумлял многих своей концептуальной нелогичностью: как можно изучать то, что априорно считается несуществующим? (Ведь атеизм тем отличается от религиоведения, что его задача не в изучении религии, а в «изучении того, что бога нет!») [24, с. 153]. А чуть выше автор рецензии, выходя за нормы этоса научной дискуссии, утверждает: «...с некоторой долей ехидства можно определить как основной *вопрос современного религиоведения*: это вопрос о статусе теологии» [24, с. 153].

Неверно, что задача научного атеизма состояла будто бы «не в изучении религии, а в «изучении того, что бога нет». Вряд ли можно признать такое утверждение А.М. Прилуцкого серьезным. А его рассуждение об «основном вопросе религиоведения» без какой-либо «доли ехидства» можно рассматривать как ложное вменение современному отечественному религиоведению придуманного автором рецензии «основного вопроса». Вопрос о статусе теологии – это отнюдь не вопрос религиоведения; это – вопрос самой теологии, а также вопрос, возникший в академическом сообществе в связи с предложением представителей религиозных объединений о введении теологии в номенклатуру научных специальностей ВАК.

Неудивительно, что профессору Русской христианской гуманитарной академии особенно близка в рецензируемой книге формулировка: «религиоведение – рамочное понятие»; рамочными понятиями, по словам А.М. Прилуцкого, «можно обозначить что угодно», они «не приводят к упорядочиванию и систематизации» дискурса; это доказывается данным «терминологического анализа значения термина «религиоведение» [24, с. 152]. Ав-

тор рецензии приветствует предложенный в работе «Эпистема мифоритуала» термин «пустое рамочное понятие», термин, обозначающий бессодержательное понятие; рецензент одобряет и использование этого термина для «анализа значения термина «религиоведение». Автор рецензии не согласен с мнением автора книги о том, что теология не является наукой. Рецензент полагает, что «вопрос «является ли теология наукой» – это «простой (с синтаксической точки зрения) вопрос» [24, с. 153]. Аргументируя свою точку зрения, рецензент утверждает, что «термин «наука» является столь же сложноопределимым, как и термин «религия» [24, с. 153]. И пишет: «...трудно (да и нужно ли?) разграничивать теологию и религиоведение» [24, с. 154]. И с удовлетворением добавляет: «В любом случае исследование, представленное автором, позволяет увидеть взаимодействие коннотативных и имплицитных смыслов столь привычных терминов «религия», «религиоведение», «теология» [24, с. 154].

Года через полтора-два А.М. Прилуцкий в статье «Современное российское религиоведение: вызовы и перспективы институционализации» продолжил развертку гиперкритических оценок состояния отечественного религиоведения:

– «Отечественное религиоведение было сильнейшим образом травмировано в годы советского идеологического диктата, причем исследования религии пострадали от этого более других гуманитарных дисциплин» [26, с. 109];

- Особенность современного религиоведческого дискурса – «в иррациональном страхе перед теологией» [26, с. 111];
- «игнорирование теологии религиоведением не только иррационально, но и деструктивно» [26, с. 112];
- «в отечественном религиоведении еще не произошел переход от методов наблюдения к методам изучения» [26, с. 113];
- А.М. Прилуцкий пишет о «рыхлости и неопределенности границ религиоведения теоретического (фундаментального)» [26, с. 116];
- «Кризис религиоведения» А.М. Прилуцкий демонстрирует с помощью аналогии с ситуацией в филологии. Он цитирует филолога Ф.В. Бешукову: «описывая состояние современной филологии, Ф.В. Бешукова отмечает наличие кризиса, проявляющегося в «распаде привычных академических институций, в деградации интеллектуального уровня, в обострившихся конфликтах внутри филологического научного круга, в

снижении публичного интереса к предмету» [26, с. 114]. И А.М. Прилуцкий замечает: «Все в этой цитате узнаваемо и знакомо применительно к религиоведению» [26, с. 115].

Развернутая «экспертиза» «научной несостоятельности» советского религиоведения представлена в статье доктора философских наук, доцента, заведующего кафедрой Философии религии и религиозных аспектов культуры Богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета К.М. Антонова в статье «Этос отечественного религиоведения 1920-х-1980-х годов». Раскрывая этос науки о религии советской эпохи, К.М. Антонов пишет, что в этот период «достоверное знание о религии предстает не как самостоятельная, но как *инструментальная ценность*» [1, с. 64]. Это влекло за собой размывание критериев научности и падение качества научных исследований.

В заключение автор выносит приговор отечественному религиоведению 1920-х-1980-х гг. и современному религиоведению: «Наука о религии советского времени... может быть охарактеризована как экстремальная наука в том смысле, что здесь мы имеем дело не с частными отклонениями от нормального этоса, а с систематической и целенаправленной деформацией самой системы нравственных норм для эпохи 20-х-30-х гг. и закреплением этой системы искаженных норм на уровне само собой разумеющихся предпосылок всякой научной работы – в период 50-х-0-х годов... Представляется, что эта деформация негативно сказалась не только на моральном климате научного сообщества, но и на его собственно познавательных достижениях. Ее последствия ощущаются по сей день» [1, с. 78].

На мой взгляд, гносеологической основой постоянно повторяемого мнения о размытости понятия того, «что такое религиоведение», о «предметной аморфности» религиоведения является в значительной мере неучет объективности процесса познания и соответственно неучет объективного характера процессов дифференциации и интеграции знаний о религии. И. Кант в «Критике чистого разума» показал объективную обусловленность появления в процессе познания иллюзий, «видимостных суждений». В частности, И. Кант сформулировал понятие «паралогизм чистого разума» (вольный перевод – «околологизм» – И.Я.) Согласно И. Канту, паралогизм чистого разума «имеет основание для ложного по форме умозаключения... подобное ошибочное

умозаключение имеет свое основание в природе человеческого разума и содержит в себе неизбежную, хотя и не непреодолимую, иллюзию» [10, с. 368].

Процессы дифференциации и интеграции знаний и соответственно наук и знаний в них являются одной из объективных закономерностей развития познавательной деятельности. Эта закономерность действует диахронно и синхронно; диахронно – исторически складывались предметные отрасли, а вслед за этим шел процесс дифференциации и интеграции знаний в определенной сложившейся или складывавшейся предметной отрасли. В ходе указанных процессов происходила самоидентификация данной предметной отрасли как относительно самостоятельной науки, однако связи этой науки с другими складывающимися или сложившимися науками и соответственно дифференцирующихся и отдифференцированных знаний не разрывались, а оказывались связанными множеством нитей. Эти нити создавали возможность и потребность интеграции отдифференцировавшихся знаний и наук.

Процессы дифференциации и интеграции знаний происходили и происходят и в знаниях о религии. В период преднауки в течение веков накапливались знания о различных религиях и об отдельных явлениях в них – философские, теологические, исторические, языковедческие, психологические и другие. Особенно важные сдвиги в изучении религии произошли в XVIII – начале XIX в. Этому способствовали: создание выдающихся философских учений, полученные путешественниками в разных регионах мира сведения о культуре и верованиях первобытных народов, изучение восточных языков, прежде всего санскрита, ознакомление с восточными мифологиями и религиями, переводы на европейские языки священных текстов разных религий, исследования в области исторической науки и т.д. Накопившийся к началу XIX века массив этих знаний вызвал необходимость вычленить научной деятельности по осмыслению, систематизации и развитию знаний о религии. Осознание формирования научной дисциплины находило выражение в соответствующих ее обозначениях в романских и германских языках: немецком – *Religionswissenschaft* (наука о религии); в английском – *science of religion* (наука о религии), *study of religion* (изучение, исследование религии); французском – *la science de religions* (наука о религии). Появление указанных языковых определений означало осознание постепенного отделения данной дисциплины от других в процессе дифференциации знаний о данном объекте.

Уже основатели науки о религии – Фридрих Макс Мюллер (1823-1900), Карнелис Питер Тиле (1830-1902), Пьер Шатепи де ля Соссе (1848-1920) – зафиксировали процесс дифференциации и интеграции знаний о религии: дифференциацию констатировали выделением разделов, а интеграцию выявили в соединенном единстве разделов в науке о религии. Хотя именование дифференцирующихся разделов было различным, понимание их предметного содержания в главном было близким.

В XX – первых десятилетиях XXI в. процесс дифференциации и интеграции знаний о религии определял поиск его осмысления. Исследователи США, Англии, Франции, Италии, Нидерландов, Скандинавских стран, Советского Союза и постсоветской России предлагали культурно-антропологические, исторические, социологические, социально-антропологические, психологические, феноменологические и другие подходы к исследованию религии. Одни суживали состав науки о религии до двух-трех разделов, другие включали в науку о религии большее число разделов.

В отечественной литературе по-разному решается вопрос о строении религиоведения. В книге «Философия религии» Ю.А. Кимелев выделяет в религиоведении историю религии и феноменологию религии: «В современном религиоведении, – пишет автор, – они предстают как две основные дисциплины, точнее говоря, два основных подхода к изучению самой религии. По преобладающему (? – И.Я.) среди религиоведов мнению, сочетание этих двух подходов и должно составлять сердцевину современной науки о религии... Религиоведение в значительной его части можно отождествить с *историей религии*» [11, с. 26].

Ученые Санкт-Петербургского Госуниверситета полагают, что разделами религиоведения являются история религии, социология религии, антропология религии, психология религии, феноменология религии [28]. Коллектив авторов Российского Госпедуниверситета имени А.И. Герцена в числе разделов религиоведения называет: антропологию религии, историю религии, психологию религии, социологию религии, феноменологию религии [29, с. 12-13].

Предметом дискуссии является соотношение религиоведения и философии религии. Ю.А. Кимелев резюмирует свои рассуждения о соотношении философии религии и религиоведческого комплекса следующим образом:

«... современная философия религии не в состоянии выполнять содержательно-синтетические и методологические функции по отношению к комплексу религиоведческих дисциплин.

И религиоведческие дисциплины со своей стороны не проявляют никакой заинтересованности в философии религии... по мнению религиоведов, философии религии, практически нечего предложить конкретно-дисциплинарному изучению религии» [11, с. 31]. Но все же, по мнению Ю.А. Кимелева, «современное религиоведение в своих методологических поисках использует философию. Она обращается к философии науки... философия присутствует в нем в лице философии науки, а не философии религии» [11, с. 31]. Не относит философию религии к религиоведению и ряд других исследователей.

Решение вопроса о соотношении философии религии и науки о религии, философии религии и религиоведении связано с пониманием содержания знания в философии и в религиоведении. В российской философии существуют разные мнения по вопросу о соотношении философии и науки: одни считают философию наукой [32, с. 14], другие полагают, что философия – иной способ воспроизведения бытия [3, с. 7]; третьи обосновывают двойственный характер философского знания [17, с. 148]. Согласно третьей точке зрения, философия выступает интегративным образованием, в котором органично сочетаются рационально-теоретические и ценностно-мировоззренческие компоненты. Философия опирается на все формы сознания – от науки до религии.

Философия – это знание о всеобщем, о мире в целом в системе «мир – человек», о предельных измерениях (аспектах) взаимоотношений между миром и человеком, рассуждения о вечном и бесконечном в связи с временным и конечным. Функции философии: мировоззренческая, обеспечивающая смыслополагание, иерархизацию ценностей, ориентацию в мире; методологическая – логико-гносеологическая, координирующая и интегрирующая знания из различных наук и областей культуры; функция мудрствования – вопрошания и ответа.

Философия и наука сходны в том, что философия тяготеет к рациональной и доказательной духовной деятельности. Философия в большой мере ориентирована на рациональное постижение мира; в этом плане она подобна науке. Но между философией и наукой есть существенные различия: любая наука имеет дело с фиксированной предметной областью и не высказывает общих положений о бытии; философия выносит универсальные суждения о мировом целом. На опреде-

ленном этапе развития науки абстрагировались от проблемы ценностей и от вынесения ценностных суждений. В философии ценностный момент всегда присутствовал: рассуждения о добре и зле, о прекрасном и безобразном и т.д. Я разделяю мнение философов о двойственном характере философского знания.

Характеристики природы философского знания, функций философии можно отнести с известной конкретизацией к философии религии. Философия религии имеет своим предметом своеобразное сущее в мире – религию – в контексте целостного сущего, разрабатывает наиболее общие знания об этом сущем в плане «человек – мир», обеспечивает видение религии в ракурсе предельных измерений (аспектов) взаимоотношений человека и мира, в связи временного и вечного, конечного и бесконечного. В этом ключе выделяются и функции философии религии: 1) мировоззренческая (гуманистическая и прежде всего смысложизненная, социально-аксиологическая, культурно-воспитательная, отражательно-информационная); 2) методологическая (эвристическая, координирующая, синтетическая, интегрирующая, логико-гносеологическая); 3) функция мудрствования, рефлексии – вопрошания и отвечания. Философия религии – это совокупность концепций, идей, понятий, принципов, методов, дающих наиболее общее объяснение и понимание объекта. Философия религии есть специальная философская дисциплина. Во-первых, потому что имеет своим предметом своеобразное сущее в мире – религию, хотя и рассматривает ее не в отрыве от целокупного сущего. Во-вторых, потому что в контексте философского знания интегрирующими и систематизирующими выступают метафизика, онтология, гносеология, социальная философия, а философия религии конкретизирует их идеи и идеи других разделов философии применительно к анализу религии и, в свою очередь, дает другим разделам философии знания об этом своеобразно сущем.

Если считается, что философия – не наука, значит и философия религии – не наука. И, с этой точки зрения, философия религии находится за пределами науки о религии. Если философия признается наукой и философия религии тоже считается наукой, то не возникает каких-либо трудностей при отнесении философии религии к науке о религии.

Если утверждается двойственный характер философского знания, значит полагается двойственный характер философского знания и о религии. В этом случае решение вопроса об отношении философии религии к дисциплине, изучающей религию, требует опосредующей рефлексии.

Прежде всего необходимо сказать о природе знания в научной дисциплине, изучающей религию. Если отрасль знания о религии выражается в языке и понимается в западных традициях – как Science of Religion, Study of Religion, Religionswissenschaft, La Science de Religion, т.е. как наука о религии, то философия религии должна быть мыслима за пределами науки о религии.

В русскоязычном научном сознании именование дисциплины, изучающей религию, получило своеобразие. Изначально было принято западно-европейское именование в переводе на русский язык – наука о религии, но постепенно все более широко стало использоваться именование «религиоведение»; к концу 1930-х гг. оно вошло в систему научного языка. Славянская часть термина – «вѣдение» – от глагола «ведать». Этот глагол в своем значении имеет по крайней мере четыре нюанса: 1) знать что-либо о чем-либо (когнитивный аспект); 2) ощущать что-либо (перцептивный аспект); 3) переживать что-либо (эмоциональный); 4) управлять (праксиологический аспект) [30; 36]. Соответствующие значения имеет и термин «вѣдение». Это значит что семантика слова «религиоведение» не имплицитно жесткий сциентизм: выскажу предположение, что это именование может выражать постнеклассическую рациональность. Если иметь в виду такую семантику именованной дисциплины, изучающей религию, то философия религии, содержащая понимание двойственного характера философского знания, может мыслиться как одна из областей вѣдения религии, религиоведения. На мой взгляд, процесс познания религии необходимо включает философский уровень.

Мое понимание содержания и строения религиоведения изложено в ряде работ. Разумеется, я не считаю такое понимание единственно возможным, но и в данном тексте его воспроизведу (обоснование см. в опубликованных работах). Ныне религиоведение изучает закономерности возникновения, изменения, развития и функционирования религии, ее качественные, сущностные характеристики, ее строение и различные компоненты (с учетом особенностей различных религий), ее многообразные феномены, как они представали в истории (синхронно и диахронно), взаимосвязь и взаимовлияние религии и других областей культуры, а также историю самого религиоведения. Религиоведение рассматривает религию на уровне общества, группы, индивидов, личностей.

Когда речь идет о предмете науки, рассуждения ведутся на уровне философии и методологии науки, а это требует использования философского по-

нятийного аппарата. Конечно, при решении частных вопросов договариваются о так называемых «рабочих понятиях», о «рамочных понятиях» (например, в юриспруденции, лингвистике и др.). Но при решении вопроса о предмете, методах и содержании некоторой отрасли знания базовым является язык и понятийный аппарат философии и методологии науки – раздела философского знания, разработанного и разрабатываемого отечественными учеными В.Г. Кузнецовым, В.А. Лекторским, Л.А. Микешинной, В.В. Мироновым, К.Х. Момджяном, В.С. Степиным, В.С. Швыревым и другими.

Так понимаемое религиоведение может служить основой нахождения критерия отнесения некоторой информации о каких-то связанных с религией явлениях и событиях к корпусу знаний в религиоведении. Неправомерно, на мой взгляд, полагать, что религиоведение – это некий «депозит всяческих знаний о религии, пополняемых из любых источников» и относить к корпусу знаний в религиоведении «что угодно», любые знания о религии, возникавшие и возникающие в истории в недрах разных наук. Конечно, они могут попадать в зону внимания, но вопрос о вхождении каких-то знаний в корпус знаний в религиоведении требует специального решения.

Далеко не всякая информация об исторически ситуативных фактах, об имеющих чисто лингвистическое содержание языковых образованиях с использованием имен из языка религии, о литературных сюжетах, в которых лишь упоминаются какие-то факты религиозного поведения персонажей и пр., может быть отнесена к корпусу знаний в религиоведении. Например, информация о том, что на прошлой неделе в молитвенном здании баптистов произведен ремонт входных дверей, или – из-за сильных морозов во время богослужения в храме было холодно, или – в День Рождества была оттепель, или – о системе водоснабжения в Палестине времен Соломона и т.д. вряд ли следует отнести к корпусу знаний в религиоведении. К корпусу знаний в религиоведении правомерно отнести знания о «фактах с историческим значением» (по выражению известного отечественного историка и социолога А.С. Лаппо-Данилевского), знания о смыслозначимых для религиозной системы явлениях и событиях, иначе говоря, знания, важные для познания определенных религиозных процессов, для развития религиоведения.

На мой взгляд, в современном религиоведении можно выделить следующие разделы: философия религии, социология религии, психология религии,

феноменология религии, история религии и тем самым зафиксировать дифференциацию знаний в нем. Философия религии, выполняя в религиоведении важную методологическую функцию, выступает интегратором религиоведческого знания в его разноаспектных моментах (социологическом, психологическом, феноменологическом, историческом, географическом и т.д.) и, в том числе, обеспечивает адекватность деятельности исследователя в контексте процессов дифференциации и интеграции знаний о религии.

Важной методологической проблемой концептуализации религиоведения как отрасли знания является проблема объективности полученного знания. Эта проблема связана с особенностями социального познания. Познающий субъект имеет определенное мировоззрение, интересы, мотивы, ценностные установки, которые влияют на ход исследовательского поиска. Объективность социального познания обеспечивается интерсубъективностью познавательного опыта и полученных знаний. В результате познавательных субъект-субъектных отношений индивидуальных субъектов возникает интерсубъективная общность – коллективный познающий субъект, в котором представлены интерсубъективные, коллективные опыты познания и их результаты. Коллективные опыты познания и их результаты являются для каждого индивидуального субъекта и для коллективного субъекта объективно сущим.

Интерсубъективный характер объективности в социальном знании реализуется в процессе научного диалога (полилога) на заседаниях кафедр университетов и отделов научных учреждений, на заседаниях ученых советов, на конференциях, симпозиумах, конгрессах, и т.д. В ходе диалога (полилога) достигается взаимопонимание ученых, на основе которого может возникнуть консенсус, возможность конвенций по тем или иным вопросам социального знания [4].

В философии науки сформулирован принцип доверия субъекту как целостному человеку познающему. Раскрывая содержание этого принципа, известный отечественный методолог науки Л.А. Микешина пишет: «Этот принцип заключается в том, что анализ познания должен исходить из живой исторической конкретности познающего, его участного мышления и строиться на доверии ему как ответственно поступающему в получении истинного знания и в преодолении его заблуждений. Устремленность субъекта познания к истине – это своего рода «презумпция», которая имеет серьезные онтологические основания в когнитивной, социокультурной и лично-индивидуаль-

ной сферах его жизнедеятельности» [16, с. 38]. Л.А. Микешина подчеркивает, что субъект познания – это не «эгоистическое Я, творящее произвол, а сущностное выражение человека познающего» [16, с. 38].

С учетом сказанного об интересубъективном характере объективности социального познания важно аутентично понимать и применять тезис «свободы науки от ценностных суждений». Как уже подчеркнуто, познающий субъект имеет определенные ценностные установки, сформированные в микро- и макроуловиях его становления, а потому, отнесение к ценностям неизбежно включается в процесс социального познания. Но не следует понимать названный тезис упрощенно. Ценности и, соответственно, основанные на них ценностные суждения разделяются на внутринаучные (теоретичность, логичность, критичность, истинность, методологическая обоснованность) и социальные (политические, идеологические, правовые, моральные, экологические) ценности и ценностные суждения. Исследование может быть научным, если ему органично присущи внутринаучные ценности и соответствующие ценностные суждения.

М. Вебер (1864-1920) подчеркивал значение «научной критики идеалов и оценочных суждений» в науке. Объективная значимость эмпирического знания состоит в том, что «данная действительность упорядочивается по категориям в некотором специфическом смысле субъективным, поскольку, образуя предпосылку нашего знания, они связаны с предпосылкой ценности истины...» [6, с. 412]. По мнению М. Вебера, в области социальных наук о культуре возможность осмысленного познания того, что существенно в потоке событий, связано с постоянным использованием специфических точек зрения, соотносящих в конечном итоге с идеями ценностей. М. Вебер писал: «... в каждой исторической проблематике, объектом которой служит какое-либо логическое, математическое или иное научное знание, единственно возможной основой, определяющей выбор при отнесении к ценности, может быть только значимая для нас ценность «истины», а следовательно, и прогресс в направлении к ней» [7, с. 593].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антонов К.М.* Этнос отечественного религиоведения 1920-х – 1980-х годов // «Наука о религии», «Научный атеизм», «Религиоведение»: актуальные проблемы научного изучения религии в России XX – начала XXI века / Под ред. К.М. Антонова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014.
2. *Аринин Е.И.* Религиоведение. Введение в основные концепции и термины. М., 2004.
3. *Балашов Л.Е.* Философия: Учебник. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2004.
4. *Бучило Н.Ф., Исаев И.А.* История и философия науки, М., 2011.
5. Введение в общее религиоведение. Учебник / Под редакцией И.Н. Яблокова. М.: Книжный дом "Университет", 2008.
6. *Вебер М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
7. *Вебер М.* Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
8. *Давыдов И.П.* Эпистема мифоритуала. М.: МАКС Пресс. 2013.
9. *Ересько М.Н.* Язык религии: смысл и символ (Опыт онтосемантического анализа). Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2007.
10. *Кант И.* Критика чистого разума // Соч. в шести томах. Т.3. М.: Мысль, 1964.
11. *Кимелев Ю.А.* Философия религии. Систематический очерк. М., 1998.
12. Классики мирового религиоведения. Т.1. М., 1996.
13. *Красников А.Н.* Методологические проблемы религиоведения. М.: Академический проект, 2007.
14. *Кузнецов В.Г.* Философия науки: исторические этапы и теоретические методы. Воронеж, 2007.
15. Методологические проблемы современного религиоведения. Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1990.
16. *Микешина Л.А.* Философия науки. Учебное пособие. М., 2005.

17. *Миронов В.В., Иванов А.В.* Философия: введение в метафизику и онтологию. М.: ИНФРА-М, 2014.
18. *Миронов В.В., Иванов А.В.* Философия: гносеология и аксиология. М.: ИНФРА-М, 2014.
19. Мистика. Религия. Наука. Т. 2. М., 1998.
20. *Момджян К.Х.* О проблемном поле социальной философии (часть 1) // Личность. Культура. Общество. Т. 8. 2006. № 4.
21. *Момджян К.Х.* О проблемном поле социальной философии (часть 2) // Личность. Культура. Общество. Т. 9. 2007. № 3.
22. *Писманик М.Г.* Религиоведение. М, 2009.
23. *Поппер К.* Логика и рост научного знания: избранные работы. М.: Прогресс, 2009.
24. *Прилуцкий А.М.* Рецензия на монографию: Давыдов И.П. Эпистема мифоритуала. М.: МАКС-Пресс, 2013 // Вестник ПСТГУ. Серия 1. Богословие. Философия. Религиоведение. 1:3(53). 2014.
25. *Прилуцкий А.М.* Семиотика религии. Философско-религиоведческие исследования. СПб, 2007.
26. *Прилуцкий А.М.* Современное российское религиоведение: вызовы и перспективы институционализации // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Научный журнал № 1. СПб., 2016.
27. 50 лет кафедре философии религии и религиоведения философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. М., 2009.
28. Религиоведение / Под ред. М.М. Шахнович. СПб, 2006.
29. Религиоведение: учебное пособие для студентов педагогических вузов / Под ред. А.Ю. Григоренко. СПб.: Питер, 2008.
30. Словарь русского языка: в 4 т. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. 2-е изд. М., 1981. Т. 1.
31. *Смирнов М.Ю.* Религия и религиоведение в России. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2013.
32. *Спиркин А.Г.* Философия: Учебник. М.: Гардарики, 2005.
33. *Степин В.С.* Философия и методология науки. М., 2015.

34. *Степин В.С.* Философия науки. Общие проблемы. М., 2006.
35. *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986.
36. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т.1. М., 1993.
37. *Швырев В.С.* Теоретическое и эмперическое в научном познании. М.: Наука, 1978.
38. *Шохин В.К.* Теология. Введение в богословские дисциплины. М., 2002.
39. *Classical Approaches to the Study of Religion. Aims, Methods, and Theories of Research: in 2 vol. / Ed. by J. Waardenburg.* The Hague: Mouton, 1973.
40. *Contemporary Approaches to the Study of Religion: in 2 vol. / Ed. by F. Whaling.* Berlin: Walter de Gruyter, 1984.
41. *New Approaches to the Study of Religion. Vol.1: Regional, Critical, and Historical Approaches. Vol.2: Textual, Comparative, Sociological and Cognitive Approaches / Ed. by P. Antes, A.W. Geertz, R.R. Warne.* NY & Berlin: Walter de Gruyter, 2004.
42. *Selbstverständnis und Wesen der Religionswissenschaft / Hrsg. von G. Lanczkowski.* Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1974.

REFERENCES

1. *Antonov K.M.* Ethos of Russian Religious Studies of the 1920s-1980s // "Science of Religion", "Scientific Atheism", "Religious Studies": Actual Problems of the Scientific Study of Religion in Russia in the Twentieth and Beginning of the 21st Century, Ed. K.M. Antonova. Moscow, 2014.
2. *Arinin E.I.* Religious studies. Introduction to basic concepts and terms. М., 2004.
3. *Balashov L.E.* Philosophy: Textbook. М.: Publishing and Trading Corporation "Dashkov and Co", 2004.
4. *Buchilo N.F., Isaev I.A.* History and philosophy of science. М., 2011.
5. Introduction to general religious studies. Textbook / Edited by I.N. Yablokov. Moscow: The Book House "University", 2008.

6. *Weber M.* "Objectivity" of socio-scientific and socio-political knowledge // Weber M. Selected works. M., 1990.
7. *Weber M.* The meaning of "freedom from evaluation" in sociological and economic science // Weber M. Selected works. M., 1990.
8. *Davydov I.P.* Episteme of the mythorital. M.: MAX Press. 2013.
9. *Eresko M.N.* Language of religion: meaning and symbol (experience of ontosemantic analysis). Tyumen: Publishing house of Tyumen State University, 2007.
10. *Kant I.* Critique of Pure Reason, Op. In six volumes. Vol. 3. M.: Mysl, 1964.
11. *Kimelev Yu.A.* Philosophy of religion. A systematic sketch. M., 1998.
12. Classics of world religious studies. Vol.1. M., 1996.
13. *Krasnikov A.N.* Methodological problems of religious studies. Moscow: Academic Project, 2007.
14. *Kuznetsov V.G.* Philosophy of science: historical stages and theoretical methods. Voronezh, 2007.
15. Methodological problems of modern religious studies. Scientific and analytical review. Moscow: INION, 1990.
16. *Mikeshina L.A.* Philosophy of Science. Tutorial. M., 2005.
17. *Mironov V.V., Ivanov A.V.* Philosophy: an introduction to metaphysics and ontology. M.: INFRA-M, 2014.
18. *Mironov V.V., Ivanov A.V.* Philosophy: gnoseology and axiology. M.: INFRA-M, 2014.
19. Mysticism. Religion. The science. Vol.2. M., 1998.
20. *Momdgyan K.* On the problem field of social philosophy (part 1) // Personality. Culture. Society. Vol. 8. 2006. No 4.
21. *Momdgyan K.* On the problem field of social philosophy (part 2) // Personality. Culture. Society. Vol. 9. 2007. No 3.
22. *Pismanik M.* Religious studies. M, 2009.
23. *Popper K.* Logic and the growth of scientific knowledge: selected works. M.: Progress, 2009.

24. *Prilutsky A.M.* Review of the monograph: Davydov I.P. Episteme of the mythorital. M.: MAKS-Press, 2013 // Bulletin of the PSTU. Series 1. Theology. Philosophy. Religious studies. 1: 3 (53). 2014.
25. *Prilutsky A.M.* Semiotics of religion. Philosophical and religious studies. SPb, 2007.
26. *Prilutsky A.M.* Modern Russian Religious Studies: Challenges and Prospects of Institutionalization // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. Scientific journal №1. SPb., 2016.
27. 50 years of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies of the Faculty of Philosophy of Moscow State University named after M.V. Lomonosov. Lomonosov Moscow State University. M., 2009.
28. Religious Studies / Ed. M.M. Shakhnovich. SPb, 2006.
29. Religious studies: a textbook for students of pedagogical universities / Ed. A.Yu. Grigorenko. St. Petersburg: Peter, 2008.
30. Dictionary of the Russian language: in 4 vol. / Ed. A.P. Evgenieva. 2nd ed. M., 1981. Vol. 1.
31. *Smirnov M.Yu.* Religion and Religious Studies in Russia. SPb.: Publishing House of the Russian Christian Academy for Humanities, 2013.
32. *Spirkin A.G.* Philosophy: A Textbook. M.: Gardariki, 2005.
33. *Stepin V.S.* Philosophy and methodology of science. M., 2015.
34. *Stepin V.S.* Philosophy of Science. Common problems. M., 2006.
35. *Feyerabend P.* Selected works on the methodology of science. M.: Progress, 1986.
36. *Chernykh P.Ya.* Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: In 2 vol. Vol.1. M., 1993.
37. *Shvyrev V.S.* Theoretical and emperical in scientific cognition. M.: Nauka, 1978.
38. *Shokhin V.K.* Theology. Introduction to theological disciplines. M., 2002.
39. Classical Approaches to the Study of Religion. Aims, Methods, and Theories of Research: in 2 vol. / Ed. J. Waardenburg. The Hague: Mouton, 1973.

40. Contemporary Approaches to the Study of Religion: in 2 vol. / Ed. F. Whaling. Berlin: Walter de Gruyter, 1984.
41. New Approaches to the Study of Religion. Vol.1: Regional, Critical, and Historical Approaches. Vol.2: Textual, Comparative, Sociological and Cognitive Approaches / Ed. By P. Antes, A.W. Geertz, R.R. Warne. NY & Berlin: Walter de Gruyter, 2004.
42. Selbstverständnis und Wesen der Religionswissenschaft / Hrsg. Von G. Lanczkowski. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1974.

29 марта 2017 г.
